

ГЕННАДИЙ ЦЫФЕРОВ

М
Ц 97

СМЕШНАЯ СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

ГЕННАДИЙ ЦЫФЕРОВ

СМЕШНАЯ СКАЗКА

ХУДОЖНИК Ю. ГУКОВА

МОСКВА ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1982

Волшебный ящичек

Вот перед тобой лежит книга. Ты знаешь её название. А что же внутри, под обложкой? Тут как волшебный ящичек: откроем крышку — и к нам придут сказки. Я их уже прочитал. А пока читал, мне казалось, что слова сказок раскачиваются, будто на качелях: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх, вверх... над цветущей всеми красками землёй, ближе к солнышку.

Сочинил эти удивительные сказки, в которых сразу чувствуются запахи земли и неба, цветов и речной воды, Геннадий Михайлович Цыферов. Как они получились? А вот как: сказочник Геннадий Цыферов умел удивляться. Прекрасное умение! Он удивлялся Китёнку, который летал, Муравьишке-путешественнику, что плыл на корабле-скорлупке с парусом из лепестков... Нет, я заранее не буду рассказывать. Уверен, что ты, прочитав книжку, снова и снова захочешь возвратиться в сказочный мир Геннадия Цыферова.

Кроме этих сказок, Геннадий Михайлович написал ещё много детских книжек: сборник «Сказки», «Про цыплёнка, солнце и медвежонка», «Как лягушонок искал папу», «Жил на свете слонёнок» и многие, многие другие. Там и весёлые и грустные сказки, но все они очень добрые.

Не сомневаюсь, что дружба с ними доставит тебе радость.

Георгий Бала

МУРАВЬИШКИН КОРАБЛЬ

Жил на свете муравьишка. Весь день ходил и искал что-то. То пушинку от одуванчика найдёт, то листок кленовый, на гусиную лапку похожий, и ещё чего-то ищет...

Но вот однажды нашёл муравей золотую скорлупку. Лежала она на траве среди зелени и светилась, светилась, точно маленькая золотая корона. Долго, долго муравей думал, что с ней делать, так и сяк вертел. Наконец решил: покачу к моему другу-лягушонку, спрошу. А лягушонок был известный в лесу шутник и мудрец. Он посмотрел на скорлупку, на голову примерил и наконец сказал:

— Да, для макушки маловата, но быть может...

Он опустил скорлупку в речку.

— Ква, ква, конечно. Это же муравьишкин корабль. Садись и скорей в путь. Дальние страны и прекрасные острова ждут тебя.

— А как же плыть? — вздохнул муравьишка. — Говорят, каждому кораблю нужен парус?

— Да, — кивнул лягушонок. — Есть прекрасные паруса из шёлка и бархата.

— Где я возьму такие, — покачал головой муравей. — Ни шёлк, ни бархат в лесу не растут.

— А маковые лепестки? — улыбнулся лягушонок. — Это же самый лучший бархат, ибо он живой.

Забрался муравьишка на корабль, а лягушонок протянул ему маковый парус. Подул ветер, и поплыл корабль в далёкие края. Тихие волны плескались за бортом, и только синяя вода кругом. И вдруг... красивый остров. На острове — пристань, и видимо-невидимо всякого народа муравья встречают. Кто в трубы трубит, кто в барабан бьёт, а кто просто танцует.

«Наверное,— подумал муравей,— встречаются того, кто на настоящем корабле с настоящими парусами».

Сошёл, спрашивает:

— Кого это вы встречаете?

— Да тебя,— отвечает какой-то жук.

— Почему? — удивился муравей.— Мой корабль маленький. Да и парус у меня не настоящий.

— Твой парус прекрасен,— вздохнул жук.

— Может быть,— сказал муравей,— но я вам не верю.

— Твой парус прекрасен,— повторил жук.— Твой парус живой. Он пахнет лесом, мёдом и первой серебряной росой.

— Значит, и я нашёл наконец то, что искал,— сказал муравей.

— Конечно,— ответил жук.— Ты нашёл то, чего ждало твоё сердце.

КАК СТАТЬ КРАСИВЫМ ДЕРЕВОМ

Стояла ранняя весна. Цветы ещё не проснулись. Но земля уже дышала, и сладкие дымки тумана повисли над ней.

Временами даже казалось, что они звенят.

Впрочем, может быть, это и не казалось. Ведь целый день звенела капель.

И маленький оленёнок, что гулял по лугу, услышав капель, задумался: «Если после капли растут цветы, то, быть может, они вырастут и у меня на макушке?»

Только у него выросли не цветы, а рожки.

«Рожки, рожки. А зачем они?»

— Бодаться, бодаться,— вдруг сказала какая-то улитка, выглянув из своего дома. Тут она наклонила голову и показала, как это делать.

И стал оленёнок каждого пугать. Испугал лисёнка. Тот залез в нору и лишь ушко одно выставил.

Испугал зайчика — тот от страха даже в дупло трухлявой осины спрятался.

И не видно уже никого. Не с кем пободаться.

И вдруг из-за горы — чьи-то рожки. То месяц вышел на небо гулять.

Оленёнок на горку. Поднялся и говорит:

— Братец мой, давай пободаемся. А то никто не хочет.

Но месяц скрылся за тучу. Оленёнок совсем рассердился. Да как топнет ногой:

— Ну, кто со мной бодаться будет?

Топнул раз, второй. А тут гром проснулся. Ударил бубен тугой. А потом молния красная. Рога сверкнули. Страшно стало оленёнку. Кругом всё грохочет. А большие деревья в темноте тоже на рогатых чудовищ похожи.

Забился задира в стог. Всю ночь там продрожал.

Наконец пришло утро. Выкатилось солнце, вздохнула земля, и вновь закурился над ней туман.

Опять было оленёнок наставил рожки, но вспомнил про вчерашнее и только всем поклонился:

— Простите, я больше не буду.

— Пожалуйста,— улыбнулись зайчик и лисёнок.— Только ты больше никогда не делай так. Из-за тебя вчера небо рассердилось.

— Да,— ответил оленёнок.— Я сам испугался красных рогов.

Оленёнок огляделся и увидел: на ветвях деревьев проклюнулись листья. И печально стало тогда оленёнку.

— Вот,— сказал он,— у них листья, наверное, потому, что они не бодались.

Он наклонился к лужице, чтобы посмотреть на своё отражение. И от огорчения даже закрыл глаза: его рожки были совсем голые и некрасивые. Так и стоял он над лужицей с закрытыми глазами.

Летел мимо хоровод весёлых бабочек.

— Смотрите,— сказала одна.— Да это добрый оленёнок. Тот, что сегодня извинялся. Но почему печальный? Давайте опустимся к нему на рожки, спросим.

И тут очнулся оленёнок от какого-то шёпота и шелеста. Он открыл глаза и увидел: его рожки расцвели. На них живые листья-

бабочки трепетали. А деревья кругом будто улыбались ему. Потому что сейчас он был самым красивым деревом.

Как видишь, стать красивым деревом не так трудно. Только надо быть добрым и не бодаться.

БОЛЬШОЙ ОДУВАНЧИК

А эта сказка вот такая: в ней все постоянно спорят.

А больше всех, конечно,— упрямый слонёнок и забавный медвежонок.

О том-то я и хочу вам рассказать.

Итак, слушайте.

Не помню точно, когда это было — не то в субботу, не то в воскресенье,— но, одним словом, был прекрасный день.

А потом был прекрасный вечер, и в тот прекрасный вечер медвежонок как раз пришёл к слонёнку в гости.

— Здравствуйте,— улыбнулся медвежонок.— Я давно не видел вас. Не правда ли, какой прекрасный вечер.

— Вы так думаете? — удивился слонёнок. И тут же добавил: — Нет, прекрасный вечер — это когда идёт дождь и можно топтать по лужам. Вот так.— И тут слонёнок показал, как надо топтать по лужам.

Конечно, Мишка и сам любил топтать по лужам, но в этот раз он не согласился.

Вечер действительно был прекрасный. В небе далёкими свечечками горели звёзды, а ночные бабочки опускались прямо на медвежьи уши. Они, наверное, думали — это просто мохнатые лепестки.

И потому Мишка не согласился со слонёнком. Он просто осторожно взял его за хобот и потащил в сад:

— Смотри, неужели ты не видишь, как прекрасны эти звёзды, эти деревья? Ах ты, упрямый слонёнок.

А упрямый слонёнок сказал:

— А вообще, мой друг, меня очень трудно удивить.

— Трудно удивить? Ну хорошо же.

И медвежонок обхватил голову лапами, сел на пенёк и стал думать, как удивить слонёнка.

А что, если, например, надуть большой, большой шарик и прилететь на нём к слону в гости? Конечно, это хорошо, но вдруг он скажет: «Это не прекрасный шарик, а просто толстый пузырь».

А что, если показать ему первый ландыш? Но слонёнок может сказать: «Друг мой, их скоро будут тысячи. Ха-ха-ха-ха».

И совсем уже отчаялся Мишка, да вдруг вспомнил: ну как же?! Ведь слонёнок любит облака и одуванчики...

Облака — потому, что они похожи на больших белых слонов. А одуванчики — они ведь похожи на маленькие облачка на зелёных ножках. Слонёнок часто нюхает их.

И тогда медвежонок пошёл в слоновый сад и сказал тихо большому тополю:

— Пожалуйста, усыпь меня белыми, белыми пуховыми серёжками. Сегодня я хочу удивить и рассмешить слонёнка.

— Пожалуйста,— сказал тополь.

Он встряхнул ветвями, и полетел, полетел пух. Казалось, целый душистый снегопад обрушился на медвежонка. И вскоре он укрыл его так, что ни медвежонок не стало видно, ни даже его хвостика. Медвежонок закрыл глаза и уснул в том душистом стогу.

Утром прокричал петух, взошло солнышко. И на крылечко вышел слонёнок. Он потянулся, вздохнул, огляделся вокруг... и ахнул: в глубине сада рос невиданно большой одуванчик.

— Неужели,— удивился слонёнок,— могут быть такие одуванчики? Это прекрасно.

От счастья слонёнок даже закрыл глаза и вдохнул одуванчиковый запах: ох!

Но когда он вновь открыл глаза, перед ним стоял медвежонок, а на его ушах, на хвостике был белый, белый пух. Слон отвернулся и уже опять хотел сказать что-то скучное. Но медвежонок улыбнулся:

— Не надо, не надо притворяться. Я же сам слышал: ты сказал — это прекрасно.

— Да, да,— кивнул слонёнок.— А вообще, медвежонок, я часто думаю о прекрасном, только стесняюсь говорить об этом.

Ну, вот и всё.

Что я хотел сказать, вы, надеюсь, поняли? Не всякий скучный — скучен. Быть может, он просто стесняется. И ему надо помочь. Ну хотя бы стать большим одуванчиком ради этого.

ПУГАЛО

Эта сказка про пугало.

Однажды весной, когда на деревьях проклюнулись первые листья, в огороде кто-то поставил пугало.

Оно махало руками, как ветряная мельница, и кричало:

— Кыш, кыш!

Птицы стаями взмывали к небу.

И не только птицы. Беззаботные облачка и те, завидев пугало, поднимались к самому солнышку:

— У, какое страшное.

А пугало пыжилось от гордости, хвалилось:

— Я кого хочешь напугаю.

Так и пугало всех целое лето. Даже храбрые козлы и те трясли бородами и пятились, пятились, точно маленькие улитки.

Но вот пришла осень. Собрались тучи над землёй, и начались долгие дожди. В один из таких дождей и залетел на огород незнакомый воробей.

Он взглянул на пугало и ахнул:

— Бедняга, как плохо выглядит! Такое старое ведро на голове и весь пиджак тоже промок. Просто хочется плакать, глядя на него.

И тут все птицы увидели: осеннее пугало-то совсем-совсем не страшное, а нелепое просто.

Пришла зима. Пышные хлопья полетели на землю. И всё стало кругом праздничным.

И лишь пугало, старое пугало по-прежнему грустило:

— Такое кругом всё нарядное, а я такой смешной и нелепый. Оно совсем отчаялось. И вдруг услышало:

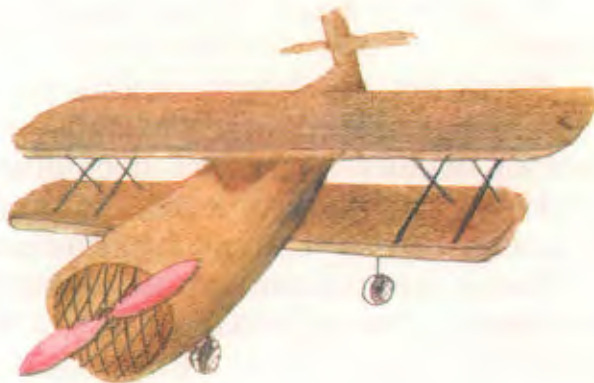
— Какой прекрасный снеговик, взгляните только.

Пугало тоже открыло глаза, чтобы взглянуть на прекрасного снеговика, и... увидело напротив мальчика. Мальчик улыбался и кивал. И пугало всё поняло.

Прекрасным снеговиком был он сам, нелепое страшило. И хотя снеговики и пугалы не умеют вздыхать, но тут однажды в жизни пугало вдруг вздохнуло и прошептало:

— Спасибо, зима... Ты добрая.

Вот и вся сказка. А может, и не сказка. Ведь когда приходит пушистая зима — всё грустное и нелепое становится однажды красивым.

САМОЛЁТИК

Начинается эта история издавека-далёка.

Жил когда-то на свете один самолётчик. Теперь не увидишь таких, точно игрушка: маленький, с парусиновыми крыльями.

Но в то далёкое время этот самолётчик был главным чудом века. Но сами понимаете, ведь он был одним из первых, который летал.

И потому каждое воскресенье на взлётное поле собиралась огромная нарядная толпа: дамы с цветочными клумбами на шляпах, усатые мужчины с зонтиками и тростями, — все они, забыв о делах, спешили сюда и, открыв рты, терпеливо ждали... Ждали, чтобы разом вздохнуть:

— Ах-ах... Да смотрите же. Он летит!

С годами другие новые самолёты пришли в мир, а тот, парусиновый, посадили однажды на грузовик и отвезли в музей старой техники.

Там было тепло и уютно. И в том музейном тепле можно было бы прожить всю остальную жизнь. Да только самолётик обижался на посетителей:

— Неужели эта пигалица когда-то летала? — говорили они. — Вот умора!

И после этих слов всегда становилось как-то особенно скучно, и всякий раз самолётик опять тянуло туда, на его взлётное поле.

И вот однажды, когда неосторожный сторож забыл закрыть плотно окно, самолётик стукнулся в него носом, окно распахнулось, и он полетел...

Музейные приятели — старинный паровоз и автомобиль — очень жалели самолётик:

— Как он будет там, на улице? Ведь он такой несовременный.

Однако сам самолётик нимало не думал о том: только б быстрее и быстрее на любимое взлётное поле.

А вот и старая горка, река, мост. Но где же? Где же взлётное поле?

Увы... на его месте теперь разбили сквер. И бедный самолётик столь расстроился, что от огорчения сел прямо в детскую песочницу и стал почему-то делать песочные куличи.

И тут его заметил какой-то мальчик. Малыш подходил всё ближе и ближе, а парусиновый самолётик очень волновался.

Вот... вот сейчас тот маленький человек скажет обидные слова: пигалица, старая техника...

И вдруг:

— Да это же большая волшебная стрекоза!

Да, именно так и сказал мальчик. Ну что же? Ведь он ни разу не видел старинных самолётов. И наш самолётик растрогался:

— Лишь теперь я понимаю, ради чего стоит жить. Это совсем не то, когда тебе впервые хлопают. Нет, то был просто успех... А вот когда кто-то маленький вдруг называет тебя, старика, волшебным именем — вот чудо! — Тут самолётик всплакнул. — Только для этого надо крепко постареть и стать совсем забытым.

И было непонятно: радуется самолётик или грустит.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

С чего это началось? А вот с чего.

В тот день летом Ослик с самого утра всё смотрел и смотрел в небо.

— Что с тобой? — спросил его друг Медвежонок. — Галок, что ли, считаешь?

— Да нет, — пробурчал Ослик, — я просто мечтаю.

— Интересно, о чём?

— Да, — вздохнул Ослик. — Я жду. Быть может, когда-нибудь на белом, белом парашюте к нам опустится хрустальный дворец.

— Ха, ха, ха, — засмеялся Медвежонок. — Такого даже в сказках не было. Это просто глупость, братец.

— Кто знает? — ответил Ослик и вновь посмотрел в небо.

И действительно, кто и что знает? Но в это время летел какой-то самолёт. Услышал лётчик, что сказал Ослик, и подумал: надо ему помочь.

И на другой день на парашюте лётчик опустил к дому Ослика дворец — только игрушечный.

— Ну вот видишь, — радостно вздохнул Ослик. — И в нашей жизни бывают чудеса.

— Если это и чудо, — засмеялся опять Медвежонок, — то всё равно жить в этом дворце тебе нельзя.

И хотя Ослику было обидно, он ответил:

— Ну и что? Если не я, то будут жить другие.

И в тот же день он повесил в лесу объявление:

«Дорогие птицы! Кто хочет жить в хрустальном дворце, обращайтесь к Ослику».

Вскоре прилетела одна красивая, даже, можно сказать, прекрасная птичка и сразу прошебетала:

— Не у вас ли хрустальный дворец? Мне он очень нужен.

— Пожалуйста,— поклонился Ослик.— Вот мой дворец.

— Великолепно,— защебетала птица.— Просто великолепно! Только знаете что? Я почему-то не вижу слуг. Ведь если есть дворец, должны быть и слуги.

— Да,— согласился мечтательный Ослик.— И верно, слуги должны быть. Что же, я ваш покорный слуга.

И Ослик стал служить птичке.

А Медвежонок смеялся над ним:

— Вот и дождался дворца. Быть слугой?

Всё лето птичка пела Ослику песни и твердила:

— Не огорчайся, когда меня не будет, ты поймёшь: это ты совсем, совсем не зря сделал.

И вот птичка улетела. Ослик вначале грустил, а потом, потом вдруг стал сочинять сказки.

И тут Медвежонок понял. Ведь Ослик служил не просто кому-то, а прекрасной птичке. И теперь он думает о ней и сочиняет сказки. И грустно стало Медвежонку: у него, насмешливого Медвежонка, своей сказки не было.

КОГДА НЕ ХВАТАЕТ ИГРУШЕК

Одного ослика уволили из цирка. Стал стар. Но чтобы не скучать, решил ослик опять быть маленьким и потому пошёл к игрушечнику.

А игрушечник сказал:

— Есть у меня только пушистый длинный хвост. Но подойдёт ли он тебе?

— А всё равно,— улыбнулся ослик,— лишь бы было весело. Он привязал к своему хвостику ещё и пушистый. Стал махать хвостом и любоваться им.

Увидел это заяц и очень удивился:

— Что с тобой?

Стыдно стало ослику, что он любит своим хвостом, и потому он сказал:

— Я... я гоню вон те облака.

— Да и в самом деле,— отвечал заяц.— А я всё думаю, почему это облака плывут, не сами же по себе?

— Конечно, нет,— улыбнулся ослик и вновь взмахнул хвостом.

Так он махал хвостом. А заяц... заяц разносил по лесу весть об удивительной силе старого ослика.

— Не может быть,— сказал лев и пошёл смотреть.

Посмотрел, и правда. Лежит ослик на лужайке, машет хвостом. А над ним тяжёлые облака плывут. Вздохнул лев и даже сморщился. И все, все в лесу сморщились, узнав про это. Лишь подымет ослик хвост, а звери уже в кусты прячутся. Вначале ослик очень удивлялся. А потом решил: «Ну что же, пожалуй, опять в цирк можно».

И уже на другой день на всех заборах, на всех стенках, на всех столбах появились афиши: «Наихрабрейший укротитель серый ослик».

И вот началось небывалое чудо: другие дрессировщики выходили на сцену с пистолетами, саблями, пиками. Да ещё кругом обязательно стояли пожарники, держали шланги. А тут просто выходил серый ослик под тихую музыку, взмахивал хвостиком, и все сразу ему подчинялись.

Но однажды случилась беда. Встретил как-то ослик маленького цыплёнка. Взмахнул хвостом. А цыплёнок даже не вздрогнул. Ещё раз взмахнул ослик — ничего.

— Да ты что? — закричал он.— Почему ты не боишься, разве ты не знаешь, что у меня самый грозный хвост?

— Нет,— сказал цыплёнок,— вы меня простите, но я только вчера из яйца вылупился. А ваш хвост мне кажется просто прекрасным. Сейчас жара, а он несёт мне ветер. Спасибо вам.

— Пожалуйста,— ответил ослик.

Но сам приуныл. Ведь если грозные львы узнают, что его хвоста не испугался маленький цыплёнок, они просто разорвут его. И, видимо, так бы и было.

Потому что грозные львы пришли к мудрому слону за советом. Как же так: они боятся ослика, а маленький цыплёнок нет. Быть

может, это просто ослик их обманывает и совсем он не грозный?
Но умный слон сказал:
— Нет, сердитые львы, всё правильно. По-настоящему сильный всегда жалеет маленьких и слабых.

ВЕЧЕРНЕЕ ЧУДО

В тот вечер шёл дождь. И было скучно. Поэтому бегемот сидел дома и пускал большие бегемотьи пузыри...

Но это тоже оказалось не весело. Ведь вечер синий и пузыри тоже. В синих сумерках их не видать.

И вдруг — что-то лёгкое и оранжевое. Да, да, большой оранжевый шар получился.

А в том шарике белоснежный остров. На острове замок. И к замку по золотому мосту — цок-цок — скакали маленькие лошадки и везли крошечные золотые кареты.

Бегемот открыл от изумления рот и созвал друзей:

— Смотрите, какое вечернее чудо!

И друзья бегемота открыли рты. А один даже не выдержал и сказал:

— Ах, как прекрасно это!

И тут шарик лопнул. И всё расплылось и померкло.

А бегемот сказал:

— Как недолго живёт всё прекрасное! До первого «ах».

МИШКИНА ТРУБА

В одном лесу жила семья музыкальных медведей.

Папа-медведь играл на гармошке.

Мама била в барабан.

И лишь маленький Мишутка ни на чём не играл. Сидел грустный.

«Пора бы,— сказал однажды папа,— и ему взяться за дело».

И Мишутке купили трубу, похожую на серебряную раковину.

— Вот тебе и подарок,— улыбнулся медведь-папа.— Очень бы хотелось, чтобы ты научился дудеть. Представляешь, на полянку выйду я, мама и ты. Это же целый оркестр получится. Вот рады будут звери. Зайчишки, наверное, станут прыгать до неба.

— А я не хочу играть,— ответил вдруг Мишутка.

— Это почему? — удивился папа.— Быть лесным музыкантом весьма почётно.

— Может быть,— вздохнул Мишутка.— Но разве играть на таком инструменте можно? Это большая раковина. А в ней живёт серебряная улитка.

Сколько ни сердился папа, Мишутка твердил своё.

И каждое утро медвежонок подходил к трубе и говорил:

— Здравствуй, серебряная улитка! Ты не бойся, нет, нет. Я не выдую тебя из твоего домика.

Все смеялись над Мишуткой, а он даже приносил цветы улитке. И его серебряная труба поэтому всегда пахла цветами.

— Но как же иначе? — говорил медвежонок.— Серебряная улитка боится меня и не выходит. Так пусть садик будет у неё возле дома.

Отчаялся папа-медведь, отчаялась мама. Как быть с добрым, но глупым Мишуткой?

Наконец папа произнёс:

— По-моему, я что-то придумал. Надо положить в трубу записку. А на другое утро Мишутка получил такое письмо:

«Дорогой Мишутка! Я покидаю свой домик и уйду к далёкому морю. Можешь спокойно теперь учиться музыке. Спасибо за цветы».

— Теперь я, конечно, согласен, где ноты? — сказал медвежонок. И вскоре, в ближайший праздник, Мишутка вышел на полянку.

— Медвежий весёлый вальс, — объявил папа.

Но медвежонок заиграл совсем не весёлое, а даже что-то печальное.

— Что с тобой, что с твоей трубой? — удивились зайцы.

— А я и сам не знаю, — покачал головой медвежонок. — Надо подумать.

И думал он до самого вечера. А потом сказал зайчатам:

— В этой серебряной поющей раковине когда-то жила серебряная улитка. Сейчас она ушла. Но ведь когда ты покидаешь свой дом, там остаётся твоё сердце. Сердце улитки грустит в моей трубе.

Вот и вся сказка.

А может быть, и не сказка.

Лично я верю: у всякого инструмента есть своё доброе сердце. Иначе почему нас так трогает музыка?

КИТЁНОК

Жил в одном море китёнок. И не просто китёнок. А мечтательный. Он мечтал непременно сделать что-нибудь такое, совсем удивительное. Ну, ну затем хотя бы, чтобы про него сказали: «Ах какой замечательный, какой удивительный китёнок!»

И что только не делал для этого! Даже на хвост становился.

И хотя делать ему это было весьма трудно, однако ни старые морские львы, ни толстые дельфины — никто не восторгался. Все лишь качали головами и говорили: «Какой бестолковый малыш. Рано или поздно он свернёт себе хвост».

«Свернёт хвост» — вместо удивления слышать такое! Поневоле станет грустно. И китёнок совсем было загрустил. Но нашлась всё-таки одна умная чайка, она-то и посоветовала: «Хочешь всех удивить — надуй живот».

Глупый китёнок надул живот и... взлетел в небо.

— «Ну,— думал китёнок,— теперь-то уже. Теперь уж обязательно удивятся».

И действительно, однажды, когда китёнок летел над городом, на балкон вышел мальчик, протёр глаза и закричал:

— Ах, какое чудо!

Но тут же на балконе появился папа, он взглянул на китёнка и сказал:

— Ничего особенного. Дирижабль. Лет сорок назад ему, правда, удивлялись. Но теперь же есть самолёты. И сегодня он просто устаревшее чудо.

Устаревшее чудо. Устаревшее чудо. Устаревшее чудо... После этого оставалось лишь одно: плюхнуться на землю. Китёнок плюхнулся на поляну и тяжело вздохнул.

— Что с тобой? — спросил его зайчик.

— Да вот, вот,— объяснил китёнок,— хотел удивить кого-то, а получилось... получилось, что я просто устаревшее чудо! Дирижабль.

Зайчик прямо затрясся от смеха:

— Удивил. Удивил. Ну, ладно.

Тут он кончил смеяться и торжественно произнёс:

— Я тебе помогу. Раз ты дирижабль, тебе нужна корзина. Я как раз плету их.

— А кого,— вздохнул китёнок,— я посажу в корзину? Что я туда положу?

И китёнок горько заплакал. Он плакал до самого вечера.

А вечером... Вечером над тихим городом вновь появился дирижабль. На балкон, где жил мальчик, он опустил корзину лесных цветов.

— Китёнок-дирижабль,— сказал мальчик.— Теперь я знаю: это ты, устаревшее чудо.

И наверное, на этом бы кончилась сказка, если бы не появился дедушка.

— Да,— сказал он,— самолёты лучше. Они летают быстрее. Но ведь ни один самолёт не подарил нам цветы. Это сделал лишь чудака дирижабль. Конечно, он старомоден, но зато как воспитан — чудо!

Старик кончил говорить, и где-то в небе впервые улыбнулся китёнок-дирижабль. Он понял: главное чудо — это хорошее воспитание и доброе сердце.

СМЕШНАЯ СКАЗКА

Ответственный редактор

Н. В. Антипенко

Художественный редактор

О. К. Кондакова

Технические редакторы

Т. Д. Юрханова

и *М. В. Гагарина*

Корректор

Н. Н. Мокина

ИБ № 11120

Сдано в набор 01.03.89. Подписано к печати 20.10.89.
Формат 60×90 ¹/₈. Бум. офс. № 1.
Шрифт литературный. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 13,0. Уч.-изд. л. 2,63.
Тираж 300 000 экз. Заказ № 869. Цена 25 к.
Орден Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика офсетной печати № 2
Госкомиздата РСФСР.
141800, г. Дмитров Московской области,
Московская, 3.
Диапозитивы текста
изготовлены на ПО «Детская книга».